

ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

А. В. Кудрявцева^{1,2}, *acifna@mail.ru*

¹Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский городской суд, г. Санкт-Петербург, Россия

А. В. Петров, *petrov_av2012@mail.ru*

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Институт использования специальных знаний в российском уголовном процессе прошел длительную эволюцию. Одним из этапов формирования является период с начала революции 1917 года и до принятия УПК РСФСР 1960 года. Первые нормативные акты, регламентирующие судопроизводство сразу после революции, интересны как преемственностью с Уставом уголовного судопроизводства 1864 года и дореволюционного законодательством в целом, а с другой стороны – с нормами, которые рождались потребностью практики и являлись отражением взглядов ученых-правоведов того времени. В статье прослеживается развитие института использования специальных знаний и его форм с начала 1917 года до УПК РСФСР 1960 года, выявляется преемственность современных форм использования специальных знаний с формами использования специальных знаний прошлого.

Ключевые слова: специальные знания, эксперт, специалист, уголовное судопроизводство.

Для цитирования: Кудрявцева А. В., Петров А. В. Формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве в законодательных актах советского периода и в настоящее время // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2024. Т. 24. № 1. С. 23–27. DOI: 10.14529/law240104.

Original article
DOI: 10.14529/law240104

FORMS OF USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN LEGISLATIVE ACTS OF THE SOVIET PERIOD AND AT THE PRESENT TIME

A. V. Kudryavtseva^{1,2}, *acifna@mail.ru*

¹North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

²St. Petersburg City Court, St. Petersburg, Russia

A. V. Petrov, *petrov_av2012@mail.ru*

North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

Abstract. The institution of using special knowledge in Russian criminal proceedings has undergone a long evolution. One of the stages of formation is the period from the beginning of the Revolution of 1917 until the adoption of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in 1960. The first normative acts regulating legal proceedings immediately after the revolution are interesting both because of their continuity with the Charter of Criminal Procedure of 1864 and pre-revolutionary legislation in general, and on the other hand, with the norms that were born out of the need of practice and were a reflection of the views of legal scholars of that time.

The article traces the development of the institution of using special knowledge and its forms from the beginning of 1917 to the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in 1960, identifying the continuity of modern forms of using special knowledge with the forms of using special knowledge of the past.

Keywords: special knowledge, expert, specialist, criminal proceedings.

For citation: Kudryavtseva A. V., Petrov A. V. Forms of use of special knowledge in criminal proceedings in legislative acts of the soviet period and at the present time. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2024. vol. 24. no. 1. pp. 23–27. (in Russ.) DOI: 10.14529/law240104.

В первые годы советской власти новое правительство уже в 1918 году пытается регламентировать привлечение экспертов к уголовному судопроизводству. В ст. 8 Декрета о суде № 2 от 7 марта 1918 г. (СУ 1918. № 26, Ст. 597) говорится о том, что судопроизводство «происходит по правилам судебных уставов 1864 года постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов и Совета народных комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов». Декрет разрешал при рассмотрении гражданских дел приглашать экспертов с правом совещательного голоса. Тем самым в гражданском судопроизводстве эксперт по сути дела превращался в судью.

В Инструкции Наркомюста (Народного комиссариата юстиции) «Об организации и действии местных народных судов» от 23 июля 1918 г. (СУ 1918. № 53. Ст. 597) уже содержатся отчетливые указания на экспертизу (ст. 24, 25, 26, 34). Так, в Инструкции предусматривалось, что в заседание суда могут вызываться и допрашиваться наряду со свидетелями и эксперты; они предупреждаются об ответственности за дачу ложных показаний и могут присутствовать в зале заседания при разборе дела; заключение эксперта рассматривается судом наряду с другими доказательствами. Аналогичные нормы содержатся также в Положении о народном суде от 30 ноября 1918 г. (ст. 24, 62, 63; СУ 1918. № 85. Ст. 889). В Положении о Революционных Трибуналах от 18 марта 1920 г. говорилось: «Порядок допроса экспертов и свидетелей зависит от трибунала» (ст. 19; СУ 1920. № 22–23. Ст. 115).

Наиболее интересным нормативным актом по вопросам экспертизы, изданным в первые годы советской власти, является Постановление Наркомздрава от 28 января 1919 г. «О правах и обязанностях государственных

медицинских экспертов» [1, с. 76–78]. В этом Положении получил свое закрепление взгляд на эксперта как на научного судью. В частности, в этом нормативном акте устанавливалось, что медицинский эксперт является самостоятельным работником, заключения которого при соблюдении предписанных законом условий получают обязательную силу и значение для частных лиц и учреждений различных ведомств. Государственный медицинский эксперт пользуется содействием всех надлежащих должностных лиц для наиболее полного и точного выяснения имеющихся налицо данных и для наиболее правильного разрешения вопросов, поставленных перед медицинской экспертизой [1, с. 76]. Этим положением медицинскому эксперту предоставлялись широкие полномочия по собиранию доказательств, необходимых для дачи заключения.

Несколько иначе регламентируются производство экспертизы и привлечение сведущих лиц к расследованию преступлений в Положении о военных следователях, утвержденном приказом Реввоенсовета республики № 1595 от 30 сентября 1919 г. [1, с. 104–110]. В этом нормативном акте предусматривалось привлечение сведущих людей для осмотров и освидетельствований. Устанавливались основания приглашения сведущих людей: «когда для точного выяснения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве или ремесле, промысле или каком-либо занятии».

УПК РСФСР 1922 года не делал различия между производством экспертизы и допросом эксперта, поскольку в ст. 172–177 устанавливалось, что заключение эксперта получают в ходе допроса эксперта. Однако при этом заключение эксперта рассматривалось в качестве самостоятельного источника доказательств.

Глава XV УПК РСФСР 1922 года, регламентируя осмотры и освидетельствования,

предусматривала приглашение экспертов для участия в них. Законодатель не делал различия между осмотром с участием врача и судебно-медицинской экспертизой, между допросом эксперта и экспертизой. Причем протоколы вскрытия и медицинского освидетельствования в соответствии со ст. 198 УПК РСФСР 1922 года составляются врачом и подписываются следователем [1, с. 195].

УПК РСФСР, принятый 15 февраля 1923 г., в целом воспроизвел положения УПК РСФСР 1922 года, регламентирующие использование специальных знаний и форм такого использования. УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. впервые закрепили заключение эксперта как самостоятельный источник доказательств. Следует отметить, что в этих кодексах еще не содержался особый процессуальный порядок назначения и проведения экспертизы, а заключение эксперта можно было получить путем производства допроса, осмотра и освидетельствования. В этом прослеживается определенная преемственность с положениями Устава уголовного судопроизводства 1864 года.

Таким образом, в первых УПК Советской Республики закрепились две формы использования специальных знаний: судебная экспертиза и участие специалиста в следственных действиях, при этом четкого разграничения этих форм не было, так как признавалось, что эксперт может дать заключение и по результатам осмотра и освидетельствования. Такое положение было возможно ввиду отсутствия процессуального порядка назначения и проведения экспертизы.

В первое десятилетие советской власти господствовали две точки зрения на природу экспертизы. Согласно первой экспертиза – это самостоятельное доказательство, которое оценивается судом в совокупности со всеми другими доказательствами. Эта точка зрения нашла отражение в УПК РСФСР 1922–1923 гг. Вторая точка зрения заключалась во взгляде на эксперта-медика и психиатра как на научного судью факта. Давая заключение по делу, эксперт по существу подписывал приговор. Сторонниками этой точки зрения являлись представители судебно-медицинской и судебно-психиатрической науки, и как отражение этого, данный подход получил свое развитие в ведомственных инструкциях Наркомздрава и Наркомюста.

Особый взгляд на процессуальную природу экспертизы существует и в теории уголовного процесса и криминалистики. Р. Д. Рахунов указывал, что в советской юридической литературе были допущены ошибки в вопросе об экспертизе. «Ошибки эти заключались в том, что отдельные юристы неправильно определяли процессуальную природу экспертизы (Сперанский, Познышев), тем самым умаляли роль суда в оценке заключения экспертов; имели место попытки внедрения в советскую судебную практику психологической экспертизы (Брусиловский, Люблинский)»[3].

Сперанский делил экспертизу на три категории и в зависимости от этого предлагал установить для каждой категории экспертов самостоятельное процессуальное положение:

1) экспертиза установительная, задача которой – установление доказательств преступления; эксперт является ученым помощником следователя, судьи;

2) экспертиза определительная, задача которой является исследование специальных юридических признаков деяния; заключение такой экспертизы составляет доказательство по делу;

3) экспертиза квалификационная, задачей которой – исследование индивидуальных и социальных качеств обвиняемого; такой эксперт является по теории автора судьей факта [5, с. 4].

Эту позицию Сперанского поддерживал в своих ранних работах и М. А. Чельцов [6, с. 243], который впоследствии изменил позицию.

Во взглядах ученых того времени проявлялся современный прообраз различных форм использования специальных познаний в уголовном процессе. Постепенно разрабатывая теоретические положения, решая практические задачи уголовного судопроизводства с помощью специальных познаний, осознавались и рождались формы привлечения сведущих людей для установления обстоятельств уголовного дела.

Прообразом привлечения специалиста для участия в следственном действии стал осмотр и освидетельствование через сведущих людей. Взгляд на экспертизу как на особый вид доказательств стал предвестником появления в уголовном процессе самостоятельного источника доказательств – заключения эксперта.

Сложно увидеть прямую зависимость между осмотром и освидетельствованием через врачей и судебно-медицинской экспертизой трупа и живых лиц, но УПК Казахской ССР различал следственное освидетельствование и судебно-медицинское освидетельствование. Только с принятием нового уголовно-процессуального законодательства удалось разграничить окончательно эти два вида освидетельствования, одно из которых приобрело вид экспертизы, а другое – вид следственного действия. Допрос эксперта на следствии и в суде производится по правилам допроса свидетеля – этот порядок, как нам кажется, отголосок взгляда на экспертизу как на показания свидетеля.

Консультационно-справочная деятельность специалиста также может получить процессуальное закрепление в виде допроса. Различные взгляды ученых-процессуалистов и криминалистов на природу экспертизы свидетельствуют лишь о том, что привлечение сведущих лиц для решения задач уголовного судопроизводства проявляется в различных формах, а экспертиза – наиболее распространенная, но не единственная форма использования специальных познаний в уголовном процессе.

Наряду с процессуальными выделяют также непроцессуальные формы использования специальных познаний: в частности, в литературе указывают на привлечение специалистов к производству экспертизы; привлечение специалистов для производства ревизий и документальных проверок, так называемая «несудебная экспертиза», консультативно-справочную деятельность специалиста, привлечение специалиста к анализу причин и условий, способствовавших совершению преступления.

В качестве основания для такой классификации обычно избиралось указание уголовно-процессуального закона на определенную форму использования специальных познаний в расследовании или разрешении уголовных дел. Нам представляется, что это не совсем правильно [4, с. 80]. При разделении форм использования специальных познаний на процессуальные или непроцессуальные в качестве основания разделения на классы форм использования специальных познаний должны выступать два критерия: 1) процессуальный порядок проведения определенного процессуального действия, в процессе которого ис-

пользуются специальные знания; 2) доказательственное значение результата использования.

Н. А. Классен отмечает: «Если результат использования специальных познаний имеет доказательственное значение, то в этом случае это процессуальное использование специальных познаний в уголовном процессе. Если не имеет такового – то непроцессуальное. При этом следует иметь в виду, что использование специальных познаний непроцессуальных формах вообще на процесс доказывания, безусловно, влияет, но через внутреннее убеждение субъекта доказывания, которое формируется в том числе под влиянием этой непроцессуальной информации». За основу деления форм на процессуальные и непроцессуальные принимается только доказательственное значение результата использования специальных познаний [2, с. 9].

Если за основу деления использования специальных познаний на формы принять вышеуказанные два критерия, то можно выделить следующие формы использования специальных познаний.

1. Использование специальных познаний, процессуальный порядок которых закреплен в УПК РФ, а их результаты имеют доказательственное значение. К этой форме относятся следующие виды использования специальных познаний: назначение и производство судебной экспертизы; допрос эксперта; участие специалиста в следственном действии. В последнем случае специальные знания как сведения, сообщенные специалистом в процессе производства следственного действия, являются частью протокола.

2. Использование специальных познаний, о которых УПК РФ упоминает, но не определяет их процессуальный порядок, однако их результаты являются доказательством по делу. К этой форме можно отнести заключение специалиста и его показания, проведение документальных проверок и ревизий; исследование предметов, документов и трупов с привлечением специалиста в стадии возбуждения уголовного дела; разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста. Последний вид использования специальных познаний интересен тем, что форма внешнего выражения разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, может быть различной. В частности, это могут быть

и показания, и письменная справка, и устная консультация.

3. Использование специальных знаний, которое УПК РФ не предусмотрено, однако их результаты могут иметь значение доказательств. Например, так называемые «несудебные экспертизы», результаты которых могут быть использованы в качестве «иных документов».

4. Использование специальных знаний, которое названо УПК РФ, однако их результаты не имеют доказательственного значения. К этой форме можно отнести такую функцию эксперта, как помощь следователю, дознавателю в постановке вопросов эксперту, консультации специалиста, которые имеют ориентирующее значение.

Список источников

1. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры // Сборник документов. М., 1955. 636 с.
2. Классен Н. А. Использование специальных знаний при осуществлении защиты по уголовным делам: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. 24 с.
3. Рахунов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1950. 248 с.
4. Селина Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М., 2002. 138 с.
5. Сперанский Б. Д. Экспертиза в уголовном процессе. Иркутск, 1925. 42 с.
6. Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948. 624 с.

References

1. [The history of the legislation of the USSR and the RSFSR on criminal procedure and the organization of the court and prosecutor's office] *Sbornik dokumentov [Collection of documents]*, Moscow, 1955, 636 p. (in Russ.)
2. Klassen N. A. *Ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy pri osushchestvlenii zashchity po ugolovnym delam: avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk* [The use of special knowledge in the implementation of protection in criminal cases. Author's abstract]. Chelyabinsk, 2009, 24 p.
3. Rakhunov R. D. *Teoriya i praktika ekspertizy v sovetskom ugolovnom protsesse* [Theory and practice of expertise in the Soviet criminal process]. Moscow, 1950, 248 p.
4. Selina E. V. *Primenenie spetsial'nykh poznanii v ugolovnom protsesse* [Application of special knowledge in criminal proceedings]. Moscow, 2002, 138 p.
5. Speranskiy B. D. *Ekspertiza v ugolovnom protsesse* [Expertise in criminal proceedings]. Irkutsk, 1925. 42 p.
6. Chel'tsov M. A. *Ugolovnyy protsess* [Criminal proceedings]. Moscow, 1948, 624 p.

Информация об авторах

Кудрявцева Анна Васильевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, судья, Санкт-Петербургский городской суд.

Петров Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург.

Information about the authors

Anna V. Kudryavtseva, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Criminal Procedure Law, North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Judge, St. Petersburg City Court, St. Petersburg, Russian Federation.

Alexander V. Petrov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Criminal Procedure Law, North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation.

Поступила в редакцию 24 ноября 2023 г.

Received November 24, 2023.